

Лев Платонович
КАРСАВИН

СОЧИНЕНИЯ

Под редакцией
А. К. Клементьева и С. Ю. Клементьевой

ТОМ
II

SCRIPTORIUM • YMCA-PRESS
ПЕТЕРБУРГ
1997

Лев Платонович
КАРСАВИН

ОСНОВЫ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
РЕЛИГИОЗНОСТИ
в XII—XIII веках

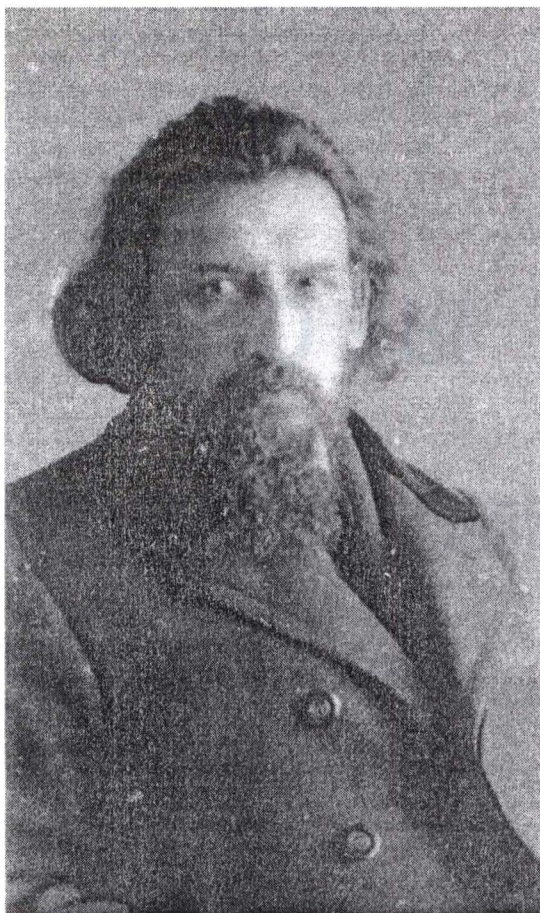
Подготовка текста
А. К. Клементьева

Послесловие и примечания
А. К. Клементьева и С. Ю. Клементьевой

АЛНФЕІА · АЛЕТЕЙЯ
ПЕТЕРБУРГ
1997

Настоящая книга
отпечатана в количестве
трех тысяч экземпляров,
из которых
тридцать именных в продажу не поступают,
а остальные пронумерованы от руки
(№№ 31 — 3000)

№ _____

© Hélène Vaneev

Лев Платонович Карсавин
через три дня после освобождения
из дома предварительного заключения.
Петроград.
27 октября 1922

Л. П. Карсавинъ.

ОСНОВЫ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

въ XII-XIII вѣкахъ .

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Научное Дѣло“. Загородный пр., 74.
1915.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История средневековой религиозности, важной не только в себе и для себя, но и для уразумения средневековых богословия, догмы и ереси, нуждается в предварительном осуществлении двух других задач: в определении понятия «религиозного фонда» или «среднего религиозного человека» и, во-вторых, в основанном на этом понятии изучении эпохи, которую условно можно принять за предел развития средневековой религиозности. Первый шаг к этому сделан автором в «Очерках религиозной жизни в Италии XII—XIII веков»¹, непосредственным продолжением и завершением которых является предлагаемая вниманию читателя книга. Во введении к ней пришлось еще раз вернуться к понятию «среднего человека», так как за прошедшее от издания «Очерков» время автор убедился в том, что казавшееся ему естественным и самоочевидным нуждается в более обстоятельном, может быть — даже минуциозном разъяснении..

Только понятие «религиозного фонда» может связать друг с другом по видимости обособленные и даже противоречивые движения. Только оно дает надежду на успех искателю общего в религиозности, как бы скромны и ограничены ни были хронологические и территориальные пределы его работы. Благодаря понятию «среднего человека» можно приступить к синтезу явлений духовной культуры и до известной степени преодолеть или обезвредить опасности синтезирующей работы. «La seule forme correcte du procédé synthétique d'exposition,» замечает по поводу аналогичных задач французский историк Ш. Ланглау², «serait un tableau des conclusions qui se dégagent de la comparaison de tous les textes, préalablement recueillis et classés par espèces de faits»³. Ланглау, а вместе с ним и все те, выразителем мнения которых он является, видимо, предполагает, что

* Невозможность этого в настоящее время для одного человека совершенно очевидна. Видимо, очевидна она и для Ланглау, сознательно отказывающегося от синтеза и ограничивающего себя подбором литературных иллюстраций. Но еще менее возможен синтез, как плод коллективных усилий, и потому, что всякий историк обладает хоть некоторою индивидуальностью, и потому, что соби́рание источников, их классификация, анализ и синтез, по существу, друг от друга неотделимы.

можно собирать, классифицировать и сопоставлять факты или тексты, не обобщая и не синтезируя их, что можно в работе историка обособить обособляемые лишь логически, да и то условно и неявно, операции*. На самом же деле всякое чтение текста уже является его толкованием и обобщением, всякая классификация и всякое сопоставление синтетической работой. «Синтез» создается и определяется сам собою в процессе «аналитической» работы, с самых первых ее моментов. Он существует гораздо раньше, чем историк формально приступит к нему, и направляет анализ в той же степени, в какой сам им направляется. В том и трудность исторической работы, что в ней практически неосуществимо обособление подготовительных стадий ее, и все сочинения, ставящие себе целью «собрание» или «классификацию» материала, уже синтез, более или менее замаскированный и бессознательный. «Faire passer sous les yeux du lecteur quelques documents datés et certains dans leur teneur originale... en y joignant les avertissements convenables»⁴ не значит еще воздержаться от синтеза, выражающегося в выборе и распыляемого в «avertissements»⁵. Работы марбургских романистов⁶ и самого Лангла, вместе с Сеньобосом⁷ осуждающего Моммзена⁸ и Курциуса⁹ за фантазии, а Мишле¹⁰ и Карлейля¹¹ за недостаток критичности, по существу не менее претенциозны, чем «l'essai, forme rapide et dangeureuse de synthèse»¹². А поэтому они могут быть признаны подготовительными лишь условно, требуют к себе более осторожного отношения, чем плохо изданный или сомнительный источник, и не в состоянии подготовить синтез для кого-нибудь другого, кроме их автора. Для синтеза необходима самостоятельная переработка всего материала и повторение всех уже сделанных другими работ. И то и другое едва ли возможно. А следовательно приходится или совсем отказаться от синтеза или подходить к нему как-то иначе.

Синтез всегда был и будет делом индивидуальным и субъективным, субъективным осмыслением реально воспринятого. Следовательно, надо поставить исследователя и критика в положение, по возможности облегчающее выделение субъективных сторон труда и их оценку. А это недостижимо, если база синтеза широка и корни его уходят в необозримый и рассеянный материал или в частные синтетические построения. Таким путем мы возвращаемся к понятию «среднего человека», которое позволяет утверждать, что существо духовной культуры данного периода выражено распространенными и крупными явлениями. База исследования благодаря этому суживается, становится доступной критике и самокритике, и центр

* Разумеется, этим нисколько не отрицается «собрание материала» в смысле издания источников, хотя и здесь выбор текстов должен определяться «важностью» или «значением» их, т. е. некоторым синтетическим моментом. В тексте имеется в виду главным образом «собрание» «par espèces de faits»⁴ или классификация материала.

тяжести ложится не на рассеянный материал, а на материал ограниченный и сосредоточенный, около которого естественно группируются разбросанные в источниках указания.

Для религиозности Италии в XII—XIII веках эту задачу автор попытался выполнить в двух своих книжках, из которых вторая лишь объединяет, систематизирует и расширяет отрывочно высказанное в первой*. Автор ожидает недоверчивого отношения к своему построению и упреков в произвольности. Но его построение должно было быть, если не произвольным, то субъективным, как и всякое другое, и на это он шел, выпуская в свет свою книгу, шел не из самонадеянности или самомнения, а потому, что знает место индивидуальной работы и верит в плодотворность и важность коллективных усилий. Они же мыслимы лишь путем индивидуальных построений, неизбежно субъективных, но необходимых при всей своей субъективности.

Территориальные границы работы расширены. Перейдя к немецкому и французскому материалу, автор усмотрел в нем те же черты религиозности, что и в Италии. Тем не менее он не решился расширить заглавие¹³, частью потому, что им непосредственно использован не весь материал, частью потому, что боялся оказаться в положении апологета, доказывающего для Германии и Франции то, что найдено в Италии, и невольно утратившего нужную остроту и свободу взгляда. Поэтому немецкий и французский материал должны лишь пояснять и дополнять италийский, вместе с тем указывая на аналогичные явления в религиозности Средней Европы.

Автор высказывает свою глубокую благодарность всем тем, кто оказал ему то или иное содействие в его работе. К сожалению, он лишен возможности причислить к ним критиков первого издания этой работы. Одни отзывы слишком кратки, другие продиктованы личными мотивами и молодечеством рецензента, решившегося на передержки и подлоги¹⁴. С особенною признательностью вспоминает автор о добрых советах и моральной поддержке со стороны *Александра Евгениевича Преснякова*¹⁵ и приносит глубокую сердечную благодарность *Николаю Петровичу Оттокару*¹⁶, в постоянном общении с которым создавалась эта книга. Многие в ней косвенно или прямо вызвано или определено его бескорыстным дружеским вниманием и острою критикой, поддержано его сочувствием, и эти немногие слова лишь слабое и неполное выражение признательности автора.

В новом издании, несколько видоизмененном и пополненном иллюстрирующими примерами, отброшены все ссылки. Из сказан-

* По самому существу дела, выясненному выше, совершенно отмечается стремление к «полноте» аргументации в смысле полноты ссылок. Выбор текстов обусловлен их иллюстративным значением; их можно бы и совсем не приводить. Обоснование развиваемых в книге взглядов следует искать не в текстах и ссылках, а в единстве предлагаемого мною синтетического построения.

ного ясно — почему. Тем не менее, если обстоятельства сделают это желательным, автор предполагает дополнительно выпустить вторую часть (примечания) первого издания. Пока он не видит в том надобности, тем более, что общее значение его труда, вероятно, будет яснее и лучше заставит читателя сосредоточиться на поставленных вопросах, если внимание не станет отвлекаться в сторону дешевого и легко достижимого при современном состоянии справочных пособий обилия примечаний.
